

Роби Дженкинс

В центре щита (Геракла) из адамантовой стали

Фобос, страх несказанный,

В душу смотрящий глазами, из коих светилось пламя.

Полнилась пасть его от зубов, белевших рядами,

Неумолимых и грозных. Вверху над ужасной главою

Эрис, Грозная Распря, витала, к сраженью мужей побуждая.

Перевод отрывка произведения Гесиода «Щит Геракла».

Тьма в этих глубоких хранилищах практически осязаема, подумал Гуул, дважды сверившись с голографической картой. За все время, его усилитель изображения не заметил ни единого отблеска света, казалось, будто причудливые колонны древнего хранилища содержат память света. Поэтому каждый раз, когда шарящий луч прожектора одного из сервиторов команды касался колонны, то казалось, что они все ещё мерцали, высвечивая свой неровный контур ещё несколько мгновений, уже после того, как прожектор отвели в сторону.

Гуул полагал, что они сверкали, благодаря той невообразимой силе древней информации, которая хранилась в кремниевых глубинах хранилища. Девятеро уступили и дали добро на обследование инопланетных останков. Они были в отчаянии, и он, Гуул, имел ключ к их спасению и всего на Селар Артем. Планетоубийца приближался, и если Гуул потерпит неудачу, то они все погибнут.

— Движение, — доложила Мориц, склонившаяся над своим детектором движений.

— Где? — прошептал Гуул, жестом приказывая сервиторам не двигаться.

— Впереди, — ответила Мориц и указала рукой, на которую падал свет экрана ауспекса. — Стойте позади, архимагос. В конце концов, вы ведь притащили меня сюда именно за этим.

— Движение, — доложила Мориц, склонившаяся над своим детектором движений.

— Где? — прошептал Гуул, жестом приказывая сервиторам не двигаться.

— Впереди, — ответила Мориц и указала рукой, на которую падал свет экрана ауспекса. — Стойте позади, архимагос. В конце концов, вы ведь притащили меня сюда именно за этим.

Гуул отошел в сторону, когда Мориц убрала свой ауспекс и достала из-за плеч энергетический топор. Превосходно сделанное острое лезвие слабо мерцало в темноте. Мориц была известна среди других скитарий — Техногвардии Селар Артем — благодаря своей кровавой репутации лучшего дуэлянта планеты; именно поэтому она так нравилась Гуулу. Рядом с ней шагали трое необычайно проворных боевых сервиторов, их руки описывали неестественные дуги под тяжестью колебаний бритвенно острых лезвий, установленных в каждой руке.

Даже, несмотря на то, что Гуул был окружен своими стражами, образующими защитное кольцо, Мориц выкрикнула:

— Оно здесь!

Промелькнув в луче ближайшего прожектора, древняя конструкция набросилась со злобным, тихим рычанием. На вид это был арахнид: размером с человека, с четырьмя тонкими конечностями на каждой стороне. Но их хрупкость оказалась обманчивой, когда передняя пара конечностей молниеносным движением пронзила толстую грудную броню одного из сервиторов. Другой собирался ударить с размаха своей механической ногой — слишком поздно! Паукообразная конструкция спрыгнула с плеч первой жертвы и беззвучно улетела в темноту.

Двое оставшихся сервиторов заняли свои позиции, с возведенным в защитное положение оружием, не обращая внимания на внезапную и жестокую участь их компаньона. Их командующая обвела взглядом тускло освещенное пространство меж хранилищ, держа оружие наготове. Гуул видел боязливость в ее движениях. Даже в окружении своих стражей он тоже чувствовал это.

Вмиг тишина прекратилась, когда конструкция выскочила из-за угла и пролетела над головой Гуула, чтобы обезглавить еще одного сервитора. Но Мориц предугадала траекторию полета существа и изящным взмахом энергетического топора разрубила его пополам чуть ниже середины.

Искрящиеся половинки упали на пол, продолжая подергиваться. Смертоносные конечности сверкнули, раз или дважды, будто это могло вернуть их к жизни и затем успокоились.

— Мы должны держаться ближе, — выдохнула Мориц, ее грудная клетка вздымалась и опускалась по мере того как сверхэффективные искусственные легкие наполняли ее аугметические системы кислородом.

— На самом деле, мы и так уже находимся близко друг к другу, капитан, — согласился Гуул, пока двое его сервиторов убрали останки арахноида в стазисный контейнер. Он сверился с голографической картой и сделал несколько шагов вперед, проталкиваясь сквозь защитную линию сервиторов.

— Это хранилище три. Если Девятеро правы, то именно здесь мы найдем Табулум Аэтерикум и секреты Предков.

— А также защиту от Планетоубийцы, — добавила Мориц

— И от трижды проклятого хозяина этого трижды проклятого корабля, Абаддона, — согласился Гуул.

+++

Селар Артем.

Те, кто знакомы с мирами-кузнями Адептус Механикус называют его "Сапфировый Марс". Один из старейших марсианских миров-кузниц, этот был заселен, когда вся остальная галактика содрогалась от колоссальных варп-штормов и волнений Эпохи Раздора двадцать тысяч лет назад. Мертвый мир, его поселенцы построили свои первые жилища на загадочных руинах древней расы и во время первых раскопок обнаружили чудеса инопланетной науки: все предметы аккуратно извлекли, тщательно задокументировали и благочестиво спрятали в самых глубоких отделенных информационных хранилищах. Даже местонахождение этого запретного знания заботливо охраняют Лорды Фабрикатеры: Девятеро.

Но при помощи силы этого инопланетного знания, находящегося в распоряжении Механикус, мертвый мир наполнился жизнью. Сухие равнины стали морями. В необитаемых пустынях расцвели леса. Обтесанные ветром скалы обзавелись снежными шапками, и все следы инопланетных предшественников тихо и осторожно скрыли. Так поселенцы, имеющие большую генетическую базу данных, получили условия для создания изобилия новой жизни и, под бдительным присмотром биологов, Селар Артем — Там, Где Наука Скрыта — превратился в зелено-голубой мир-кузню.

+++

— МОРТУУС СТЕРКАТУС В НЕБЕСАХ, — прокричала фигура за консолью, бросая диагностическую палочку на мраморный пол.

Хрупкий инструмент разбился вдребезги, и его осколки разлетелись по гладкому камню. Последовавшую тишину наполняло лишь гулкое кряхтение фигуры в робе; человек глубоко и неровно дышал, плечи вздымались, он уставился на двух других, что смотрели на него из дальней части галереи храма.

— Какие-то проблемы, Архимагос Гуул? — усмехнулся человек в одеяниях цвета кости, характерного для его Коллегиума. Капюшон был откинут назад, обнажая его лысую голову с множеством торчащих из нее кабелей. Некоторые из них шевелились у него на щеках будто змеи, пока он приближался. Слабые частицы света, что усеивали пол, отбрасывали длинные тени на лицо новоприбывшего: его впалые щеки и глубоко посаженные глаза придавали ему

вид самой смерти, пришедшей навестить Гуула в ночь его жалкой неудачи. — Мне кажется, что мне следует проинформировать Сорок, что ты соврал им. И Девятерых тоже. Разве это будет не позорно?

— Что ты сделал с моим устройством Фрэнки? — прорычал Гуул. — Неужели ты подвергнешь опасности весь наш мир, только чтобы увидеть, как я опозорюсь?

— Ни в коем случае, архимагос, — Фрэнки улыбнулся во весь рот. — Я выше столь пустякового соперничества. И я не опозорю свой Коллегиум или духов Великого Храма подобным мелким вредительством. Чего я не сказал бы о тебе.

Он обошел конструкцию, которая занимала огромное пространство Публичной Галереи, всматриваясь в груды миниатюрных оболочек варп ядер, скрепленных вместе в сердце генератора. Вся конструкция выглядела как лабиринт из кабелей, когитаторов, регуляторов мощности, вольтодобавочных генераторов и генераторов переменного тока, которые составляли несимметричную колонну, возвышавшуюся от пола до сводчатой крыши на двести метров. Усеянные по всей длине, злобно выглядящие измерительные наконечники — устройство, которое Гуул лично забрал с древнего скитальца, что появился на границе Глаза Ужаса несколько сотен лет назад — тянулись из громады подобной инопланетному идолу, возвышавшемуся прямо до самого сводчатого потолка Великого Храма. И над ним примерно в двадцати четырех тысячах километров выше находился спутник: первый в сети семидесяти двух совершенно одинаковых спутников, каждый с собственным кольцом из восьми измерительных наконечников, которые, используя мощь генератора поля, образуют защитную сеть вокруг целой планеты... если все сработает.

— Новаторски! — фыркнул Фрэнки. — Я с самого начала знал, что это отвратительное извращение потерпит крах — любая попытка изобрести что-либо новое обречена на провал. Тебе недостает почтительности, чтобы понять волю Машины, Гуул. О твоих дурацких ксенаритских взглядах я тоже знал с самого начала. Селар Артем никогда не станет поддерживать таких как ты. Девятеро ни за что не откроют месторасположение Табулум такому... иноверному.

— Осторожней, следи за тем, что говоришь, Фрэнки, — прошипел Гуул. Его бионические руки имели самый изысканный вид, предназначенные для помощи в крайне осторожных и опасных экспериментах и исследованиях удивительного альтернативного варп-измерения. Но когда он перевел гнев за свою неудачу на злорадного астротехнолога, его руки сжались в солидные кулаки, по-видимому, произвольно.

— Нет, Гуул, я не думаю, что мне следует осторожничать, — огрызнулся Фрэнки. — Ты заставил поверить Сорок, что ты способен спасти наш мир от Планетоубийцы при помощи этого... устройства. И мы потратили пятнадцать рабочих циклов, терпя это богохульство у самого порога Святая Святых. И после всего этого, Гуул; после всего этого... оно не работает!

— Работает! — крикнул Гуул, приближаясь к своему заклятому врагу, его шаги громко стучали по мраморному полу, когда он приближался, чтобы встать лицом к лицу с Фрэнки. — Мои теории верны! Нет причины, почему я бы не смог создать варп поле вокруг целой планеты,

достаточно мощное, чтобы устоять даже против Планетоубийцы!

— Но ты ведь не можешь, так? — прошипел в ответ Фрэнки.

— Потому что я что-то упустил! — бушевал Гуул, бессильно размахивая руками. — Расчеты правильны. Но вот механизм... я проверял его снова и снова. Он потребляет сорок процентов энергии, генерируемой Артем Прим, и ничего не происходит!

— Вот именно! — ликующе закричал Фрэнки.

— Нет, Фрэнки, ты никогда не слушаешь, как следует! — раздраженно ответил Гуул. — Ничего не происходит! Энергия потребляется машиной без ее превращения во что-либо: ни света, ни тепла, ни движения... устройство должно работать. Защитное поле уже должно было появиться, но остался какой-то... пропущенный компонент! Разве ты не понимаешь?

— Вот именно! — ликующе закричал Фрэнки.

— Нет, Фрэнки, ты никогда не слушаешь, как следует! — раздраженно ответил Гуул. — Ничего не происходит! Энергия потребляется машиной без ее превращения во что-либо: ни света, ни тепла, ни движения... устройство должно работать. Защитное поле уже должно было появиться, но остался какой-то... пропущенный компонент! Разве ты не понимаешь?

На лице Фрэнки вновь появилась улыбка, еще более жестокая, чем прежде.

— Я понимаю, Гуул, — спокойно произнес он. — Я понимаю, что ты настолько некомпетентен, что ты, кажется, отвернулся от Мистериа Махината... к бытовой науке? "Пропущенный компонент"? Ты жалок. Завтра Девятеро подпишут приказ о превращении тебя в сервитора за твое богохульство, а я поведу искренне верующих Селар Артем на спасательные корабли, что нам и следовало сделать пятнадцать рабочих циклов назад!

Он развернулся и начал уходить.

— Нет! — закричал Гуул. Он подбежал и схватил Фрэнки за капюшон, который спадал ему до плеч, и дернул за него.

— Как ты смеешь? — рявкнул Фрэнки, протягивая свои металлические щупальца, чтобы ударить Гуула. Он одернул свой капюшон, но Гуул уже схватил Фрэнки за горло. Искусственные мускулы под кожей Фрэнки стали твердыми и Гуул почувствовал, будто он сжимает пласталь, но Фрэнки уже нанес ответный удар. Его правая рука врезалась Гуулу в лицо, и отчаянный архимагос почувствовал, что его скула разбита, а во рту кровь. Когда он упал на колени, то ударил вверх правой рукой, разрезав робу Фрэнки острыми, как скальпель кончиками своих пальцев, и пронзив мягкие ткани.

В ответ Фрэнки издал лишь легкий вздох боли, прежде чем с силой опустить локоть на левое плечо Гуула, сломав ему ключицу.

— Я сделаю тебя своим личным сервитором, богохульник! — плюнул он в бледное лицо Гуула.
— Ты будешь обмывать меня своим поганым языком!

Фрэнки поднял свою руку и Гуул увидел, как футовой длины лезвие плавно выдвигается из скрытых ножен внутри синтетической руки Фрэнки. На сожаления времени не оставалось. Смесь из болеутоляющих и стимуляторов, которые его встроенная фармакопея впрыскивала ему в вены на протяжении последних минут, наконец, дала эффект, когда лезвие начало опускаться, и Гуул резко взбросил руки, толкая Фрэнки в торс и оттесняя к бесшумной башне своей машины.

— Ты! — споткнувшись, закричал Фрэнки, когда пяткой зацепился за край гладкой мраморной плиты. Его руки безумно замолотили воздух, пытаясь удержать равновесие, но он упал назад и Гуул завопил в панике, когда понял, что Фрэнки может удариться о его драгоценное творение.

Когда Фрэнки упал, раздался раздражительный скрежет, но на полпути к груде спутанных кабелей, он прекратился. Фрэнки таранился на острие, торчащее из его груди и поднял руку, чтобы дотронуться до гладкого металла. Но силы покинули его и, со свистом выдохнув воздух, он бессильно повис. Гуул рухнул на пол, уставившись на пронзенную фигуру астротехнолога. Острие измерительного наконечника, блестя в тусклом свете, выпирало из груди Фрэнки, из разорванной плоти выглядывали внутренности и хрупкие бионические импланты.

Он пристально глядел на недвижимую фигуру Фрэнки. Руки Гуула до сих пор тряслись от адреналина, даже после того как его внутренние системы автоматически начали детоксификацию, чтобы ослабить шок и успокоить растущий страх. Это было не хорошо. Его встроенные сканеры подтвердили отсутствие признаков жизни в астротехнологе. Фрэнки было уже семь сотен лет, и он являлся заместителем главы Коллегии Телединамикум.

Как он мог умереть подобным образом? Неужто от него ничего не осталось? Ни одной частицы его сущности...?

Вдруг раздался щелчок, зажужжала консоль и Гуул, все еще находящийся под сильнодействующим эффектом химических инъекций, которые спасли ему жизнь, подскочил к монитору, выхватывая новую диагностическую палочку из-за своего пояса.

Выходная мощность! Внезапно, машина стала показывать выходную мощность! Слабая, несомненно: всего лишь мельчайшая доля процента, необходимой по его расчетам энергии, сейчас излучалась генератором поля. Но это было гораздо лучше, чем та пустота, которую он достигал раньше.

— Удо! — радостно крикнул он, нажимая на руну связи. — Удо!

Меньше чем через минуту, его преданный аколит — молодой адепт в бежевой робе с окантовкой красного цвета Механикус и небесно-голубого цвета Метафизикум — поспешно вошел в галерею, пытаясь не бежать в знак уважения перед священным Великим Храмом, но подгоняемый тоном своего хозяина.

— Да магистр, я...

Удо застыл в шоке, когда его аугметические глаза приспособились к царящему здесь мраку и заледеневший труп Фрэнки предстал перед ним.

— Быстро, мальчик, мы получили выходную мощность! — рявкнул Гуул.

— Но магистр, Архимагос Фрэнки...

— Я знаю, мой мальчик, знаю! — запнулся Гуул, внезапно осознавший всю картину того, что он так беспечно оставил нетронутым в самой галерее Великого Храма Селар Артем. Девятеро были в отчаянии, но не настолько, чтобы допустить смерть старшего адепта в качестве приемлемой платы за успех. — Он напал на меня, мой мальчик! Пытался уничтожить генератор! Но посмотри! Выходная мощность!

— Выходная мощность? — спросил Удо, его преданность делу Метафизикум в итоге преодолела его потрясение от созерцания, насаженного на острие Фрэнки. — Наконец-то! Но как?

Гуул указал светящимся пальцем на труп.

— Жизненная сила, Удо! — он улыбался в полубезумном триумфе. — Элемент, который я упустил: проводники между нашим и варп измерением вокруг нас! Ты, я... Фрэнки. Когда он умер, его жизненная сила напитала потоки энергии и вернула часть отражающей силы обратно в генератор!

— Да, да, конечно, — закивал Удо. — Но где мы возьмем еще?

— Предоставь это мне, мой мальчик, — ответил Гуул, отворачиваясь, чтобы с жадностью насладиться видом незначительного изменения в показаниях, которое стоило трех столетий исследований. — Сними Фрэнки и избавься от тела. Уже светает.

+++

Астропат Прим Ксенок доковылял до двери в Палату Тишины. Его белесые глаза слепо смотрели во тьму, но своими психическими чувствами он потянулся дотронуться до гладких стен, каменного пола, стола... Девять карт на столе выглядели раздуто и злобно в воображении его разума. На протяжении двадцати рабочих циклов он размышлял над истолкованиями, которые он выполнял по распоряжению Лордов Фабрикаторов Селар Артем — Девятерых — и

сейчас, поклявшись, он вернулся, чтобы пересмотреть их значение. И шум неистовствующей за стенами толпы не особо помогал ему сконцентрироваться.

В Замке Дуновений, священном месте Адептус Астра Телепатика на Селар Артем, как и всегда, было темно и тихо. Его слепые обитатели не нуждались в свете, и спокойное безмолвие помогало им легче входить в состояние астротелепатического транса. Волнения в варпе вокруг обычно стабильных Врат Бельтаны делают связь с другими системами в секторе все чаще недоступной, и это плохо отражается на морали обитателей Замка. Но с тех пор, как весть о его первых толкованиях просочилась, тьма и тишина совсем перестали быть комфортными. Весть о приближающейся судьбе заразила умы астропатов мира-кузни, перелетая телепатически от одного к другому, разрастаясь и меняясь настолько, что недостоверное стало неопределенным, а неопределенное превратилось в страх, а страх...

В итоге, теперь здесь находились толпы паникующих рабочих, предпринимающих необдуманные попытки проникнуть внутрь цитадели. Сотня техногвардейцев была развернута для сдерживания толпы. Последние новости гласили о том, что Архимагос Гуул нашел неординарное решение проблемы.

— Ждите здесь, — дал он указания своим помощникам.

Ксенок вошел в Палату Тишины и запер за собой дверь. Это была единственная Нуль Камера в Замке Дуновений и, когда дверь захлопнулась, и отражатели поля зарядили психические стены, он почувствовал, как постоянная связь с его братьями и сестрами по Замку внезапно прервалась. Впервые за всю его долгую жизнь, он был оторван от разумов своего обретенного семейства.

Он остался наедине со своими мыслями, Нуль поле перекрывало его психическое восприятие места и окружения, теперь он был не более чем слепой человек: напуганный слепой человек. Но на столе его ожидали карты. Он нащупал путь и аккуратно сел в кресло, больше похожее на трон.

Для большинства астропатов было почти невозможно медитировать без своих психических чувств. И лишь немногие могли овладеть умением толкования Таро Императора в Нуль камере. Но разум псайкера в большей степени принадлежит кошмарной реальности варпа, нежели чем разум простого человека.

Ксенок знал, он был открыт для пагубного воздействия чужеродных намерений. Открытый разум — даже астропата, связанного душой с Самим Императором — являлся дверью призыва для исчадий тьмы, что толпились за ней, ожидая момента слабости, чтобы вырваться...

Но даже Нуль камера не могла полностью заглушить связь астропата с варпом. Он был слеп, физически и психически, но искра силы, что вызывала любовь и боль к всемогущей душе Его-на-Земле, все еще горела негасимым огнем. Ксенок сосредоточился на этом огне, давая ему разгореться внутри себя, до тех пор, пока его не покинет разум. Сомнения. Страх. Пока не останется один лишь свет: неразрушимая связь во времени и пространстве с прикованным к

трону Императором.

— Прим Ксенок, — раздался голос по связи и астропат с недовольством прервался.

— Что? — раздраженно ответил он.

— Беспорядки ухудшаются. Скитарии понесли тяжелые потери и отступили к внутреннему барьеру.

— Я скоро буду, — резко ответил Ксенок. — Не прерывайте меня больше.

Ксенок слышал, как устройство связи отключилось и, вернувшись в состояние покоя, он протянул руки к картам. Их похожая на жабу психическая полнота исчезла вместе с закрытием двери камеры, и теперь это были просто карты: невероятно дорогие, психически чистые, слоистые карты, изготовленные магосом Коллегии Псайкана и настроенные специально под Ксенока, но, в конце концов, просто карты. С отключением поля Нуль камеры, карты расцветали психической энергией, настолько чистой и сильной, что она была видна даже не псайкерам. Но сейчас только зазубрины и выступы на краях каждой карты могли поведать ему о их сущности.

Он прикоснулся к первой: Глаз Ужаса. Она находилась в центре и обозначала предвестника перемен и пристанище проклятых. В центре на развороте говорилось об испорченности в самом сердце вещей.

Ниже лежал перевернутый Валет Сфер.

Ксенок вздохнул. Смысл карт казался ему сейчас не менее зловещим, чем это было при первом истолковании. Взор Темных Сил пал на Селар Артем; в этом не было сомнений.

Следуя по часовой стрелке за картами, Ксенок дотрагивался до каждой, освежая в памяти их точное расположение, глубоко копаясь в своих знаниях и интуиции, чтобы прочитать значение каждой.

Девятка Чаш, карта, обозначающая нерешительное руководство и неопределенность.

Предатель находился по правую руку от Глаза Ужаса. Выше располагался Туз Посохов, предсказывающий злоупотребление властью. Над Глазом Ужаса стоял магос — зловещее предостережение того, что тайное знание лучше оставить нетронутым. Далее Двойка Орудий, которая символизировала двойственность и мотивы неведомые даже для инициаторов. С левой стороны лежал Левиафан (прикосновение Древних), а ниже последняя — Семерка Орудий (беспорядок и угроза толпы).

— Прим Ксенок! — раздался по связи напуганный голос, но Ксенок был слишком сильно

сосредоточен на своей работе, чтобы сразу это заметить.

— Меня нельзя прерывать! — закричал он, тряся руками.

— Рабочие уже в Замке, Прим Ксенок! Скитарии... — голос неожиданно оборвался и Ксенок непроизвольно повернулся к двери. Этот звук был из коридора?

Его рука снова опустилась на последнюю карту: беспорядок и угроза толпы? Несомненно.

Дверь камеры раскрылась, Нуль поле разрушилось, и три темные фигуры ворвались, сопровождаемые телепатическими криками ужаса, смертью и кровью.

— Нет! — все, что успел выкрикнуть Ксенок прежде чем металлическая рука рабочего подобно грубой дубине обрушилась на его череп, и астропат замертво упал на пол. А вокруг него дождем рассыпались его драгоценные карты.

+++

На рассвете представители Коллегии встретились, чтобы узнать весть о смерти Астропата Прим Ксенок и его целой команды астропатов. Но усиленный страхом гнев от потери их единственного средства межзвездной связи был притуплен радостным отчетом Архимагоса Гуула. Гуул заключил, что было бы разумно, если арестованных рабочих, которые так жестоко убили астропатов, передали ему для проведения дальнейших опытов по связи между жизненной силой и защитным полем.

Днем Девятеро церемониально наделили Бастиана Гуула Пурпурными полномочиями и передали расходный материал в виде более трех тысяч рабочих.

К закату, у огромного базальтового порога Общественной Галереи начала расти новая структура, недра которой дрожали неприятным свечением. Новое дитя Табулум Аэтерикум росло подобно спаренным деревьям, закручиваясь причудливыми органогенными кривыми в громадные амфиболитовые (Амфиболит — кристаллическая горная порода темно-зеленого цвета — прим. пер.) колонны. С наступлением ночи, структуры достигли своего зенита, образуя вместе архитрав и переплетая свои зловещие ветки. Со звуком треска статики при включении, Аннигилятор ожил: мерцающее, зеленое окно, ведущее к забвению.

+++

Гулл бросил взгляд на Мориц. Только столетний опыт позволял ему различать выражения ее лица за мешаниной шрамов, что преобладали на ее лице. Глаза Скитарии радостно сверкали, когда она наблюдала за тем как Аннигилятор поглощает каждую группу рабочих. Новое устройство было практически божественно эффективным. По-прежнему насаживать рабочих на измерительные наконечники было бы нелепо — остатки нескольких ранних опытов все еще

свисали со своих мест, как ужасный мемориал их пожертвованию Богу Машине. Хотя Аннигилятор непосредственно и питал жизненной силой генератор поля, пока что он лишь превращал жертв в атомную пыль.

— Мориц, ты в порядке? — спросил он обычно доброжелательного солдата.

— Вы не чувствуете это, архимагос? — спросила она. — Разве вы не осязаете осветленность нашего пути? Посмотрите, — она жестом указала на группу рабочих гонимых скитариями сквозь ворота словно стадо. — Даже они ощущают зов устройства!

Гуул в смятении закивал. Это была правда. Они проложили пласкритовый тоннель, дабы скрыть от ожидающих жертв жуткое воздействие Аннигилятора, но рабочие, что поначалу подходили осторожно и боязливо, теперь с безумным энтузиазмом ринулись вперед. Скитарии едва даже удерживали их в нужном направлении — некоторые все же применяли свои шоковые дубинки; просто чтобы выглядеть занятыми или, давая волю инстинктам, он не мог сказать. Но он не видел ничего зловещего в этом изменении. Они смотрели как уже десятки их товарищей присоединились к избиению. Криков не было, скитарии были дисциплинированы и натренированы. Почему они должны страшиться чего-то дурного?

Конечно же он ощущал эффект, излучаемый устройством — по мере того как энергия возрастала и распространялась, чувство глубокого спокойствия и безопасности наполняли его. Но жертвование было отнюдь не радостным — оно было просто необходимо: единственный выход спасти их родной мир. Машина несет безопасность, будущее в истинном выражении благосклонности Бога Машины. Непривычно было наблюдать за тем, как из людей вытягивают жизненные силы, но это был именно тот путь, разве нет? Слабая плоть умирает. Машина продолжает жить.

Но воздействия этого эффекта на Мориц беспокоивало.

— Архимагос? — Преторианец-Капитан Храмовой Стражи прервал его мысли формальным приветствием. — Количество доступных рабочих подходит к концу.

Гуул нахмурился.

— Мы едва имеем тридцать процентов и безнадежно далеки от той мощности, которая по моим расчетам необходима. Я запрошу у Девятерых еще.

— Нет! — неожиданно выпалила Мориц.

Гуул в удивлении обернулся к Мориц, но она заслонила его и указала своей аугметической правой рукой на офицера скитария.

— У нас нет времени ждать пока эти пережитки примут решение, когда мы знаем, в чем

нуждается наш мир! Отправляйтесь, капитан, и доставьте любых рабочих, каких ваш полк сможет найти.

Скитарий отсалютовал снова, развернулся и убрался прочь.

— «Пережитков»? — спросил Гуул. — И когда это Храмовая Стража стала подчиняться твоим приказам? У меня Пурпурный уровень полномочий.

— Это слишком важно, Гуул, — проворчала Мориц, ее мехадендриты агрессивно извивались. — Я получила Темно-Пурпурные полномочия и статус Магоса Командира, чтобы взять под контроль полки скитарий. А ты сосредоточься на том, чтобы твоя проклятая машина работала!

Мориц ушла и Гуул молча посмотрел ей вслед.

Мой проект, со злостью подумал Гуул. Мое исследование, мой замысел, мой гений. Мориц, ты ни за что не построишь свою долбанную репутацию там, где должен свершиться мой триумф!

+++

На крыльце Дома Девятерых, Гуул остановился и задумался над тем, что ему сказать — надо сказать — чтобы убедить Лордов Фабрикаторов Селар Артем пожертвовать еще рабочих для чужеродного идола, что он построил. Пока он колебался, огромные двери, щелкнув, тихо раскрылись внутрь, и он немедленно убрал руки в рукава и склонил голову в знак уважения. Столб дыма, насыщенный запахом ладана и редких масел, окатил его подобно зловонному дыханию дракона, и Фабрикаторы заговорили — множество голосов громко и неровно произносили одни и те же слова в унисон.

— Оно работает, молодой Гуул?

Гуул слышал в их голосах страх также отчетливо, как и надежду. Вытекающий откуда-то хладагент растекался волнообразным ковром из тонкого слоя азота по всему полу, но в некоторых местах пленка прерывалась, обнажая блестящий, черный мраморный пол, в котором отражались Девятеро, заключенные в свои системы жизнеобеспечения, все отверстия закупорены, древняя кожа блестит от влажной смазки. Они были узниками собственной силы, неожиданно подумал Гуул. Они пожертвовали своей человечностью ради знания. Но делает ли это их кем-то больше или меньше чем человек?

— Да, мои повелители, — кивнул он. — Мы достигли отметки в тридцать четыре процента за двадцать минут. Но мы имеем постоянную мощность лишь в двадцать семь процентов.

— Неприемлемо! — зашумели Лорды Фабрикаторы. Он почувствовал над головой лес змеевидных мехадендритов, гремящих и извивающихся в панике.

— Мы потратили на это почти три тысячи рабочих, — объяснил Гуул, осмелившись немного поднять голову. — Количество жертв необходимых для достижения каждой дополнительной процентной точки возрастает в геометрической прогрессии.

— Мы наделяем тебя Багровыми полномочиями, Гуул, — произнесли они, и он поднял голову посмотреть на Девятерых. Его визуальные устройства пронзили мрак, чтобы полностью увидеть их изнуренные и древние фигуры, соединенные с Машинной. При всех своих безмерных познаниях, они были слабы и хрупки. Страх делал их уязвимыми и безвольными. В действительности, они не обладали той верой в Машину, какую имел Гуул: уверенность в правильности своего пути. Они не заслуживали своей власти.

— Багровый? — уточнил он. — Багровый уровень?

— Багровый уровень, — подтвердили они.

Не поклонившись, Гуул развернулся и удалился. Бронированные двери затворились за ним. Ему казалось, что он почти что чувствует одурманивающий запах свежей власти, что дала ему победу не только над этой выскочкой Мориц, но также над жалкими остатками Девятерых. Полномочия Багрового уровня делали его самым могущественным техноадептом на всем Селар Артем. Ощущение осязаемой власти было лишь иллюзией, но реакция окружающих его систем была настоящей и незамедлительной.

Стайка сервочерепов обрушилась с потолка, бросая все, чем бы они ни занимались, чтобы выполнить его поручения; банки когитаторов зажигались в знак покорности, энергичной готовности на мимолетное прикосновение его мехадендритов, и когда он достигнул центрального зала Храма, то лица каждого жреца, скитарии и рабочего незамедлительно устремлялись на него, они все как один согласованно реагировали на коды полномочий, невидимо излучаемые от него.

Рядом стояла Мориц. Потрясение от сигналов, что даже сейчас курсировали по системам скитарий, выступало у нее на лице. Но Гуул лишь улыбался, вспомогательные кабели под его бионическим глазом сотрясались, когда он смеялся.

— Сгоняйте их, — приказал он. — Сгоняйте их всех.

+++

Это поразительно, подумал Гуул, купаясь в потоках информации, теперь доступной ему. Не успев и глазом моргнуть, по его прихоти выдвигались полки техногвардейцев скитарий. Ветераны сагитарии выгоняли отбившихся рабочих из их укрытий в лесах, сжигая их дотла. Катафракты грохотали вдоль широких улиц многих городов мира-кузни, гоня перед собой неторопливые толпы рабочих.

Но Мориц оказалась права: возмущений и сопротивления почти не было. Произошедшие два

дня назад мятежи утихли под благоприятным влиянием растущего щита. Население стало послушным и смиренным. Ему пришло в голову, что, скорее всего состоящий из фрагментов инопланетных устройств Табулум Аэтерикум был предназначен именно для создания защитного поля. Впервые с тех пор как он нашел их, он задался вопросом, что за раса предшествовала им на этой планете. Ранние хранилища не были соединены с информационным алтарем и существовали всегда. Чего так боялись первые поселенцы?

— Сорок две целых и девять десятых процента, архимагос, — раздался голос Удо откуда-то издалека.

С большим усилием воли Гуул вытащил себя на поверхность реальности и вышел из глубокого подключения, которое его новая власть открыла ему. Не сложно было понять, почему Девятеро так легко пожертвовали своей подвижностью ради подобного сближения с Машиной. И почему было так трудно пробудить в них что-то близкое к нормальному сознанию.

— Как долго? — спросил он, приоткрыв глаза.

— Прямо сейчас, хозяин, — с улыбкой доложил Удо. — Хотя все еще необходимость в сырье для каждого увеличения возрастает в геометрической прогрессии, мы почти достигли половины той выходной мощности, какая по вашим расчетам необходима.

— Все еще недостаточно, — вздохнул Гуул. — Сколько мы уже потратили?

— Восемь тысяч четыреста шестьдесят три и эта цифра все возрастает, архимагос.

— Почти десятая часть всего рабочего населения, так? — закричал Гуул. — Я перенаправлю Манипулу Фи-Омега в Артем Периферия и получу более десяти процентов.

— Как прикажите, архимагос, — Удо поклонился и ушел. Помещение, в котором находился Гуул, было известно как Бронзовая Часовня, но его помощники уже относились к ней с тем же уважением, что и к Дому Девятерых. Гуул знал, что его власть, так легко доставшаяся, сделала больше, чем просто подняла его статус. Это приблизило его к Машине. Он стал еще больше походить на своего Бога.

Со вздохом, он вновь погрузился в пучины информации.

Но что-то переменилось в мире, даже пока он разговаривал с Удо. Сведения о населении значительно изменились. Он быстро переместил спутник на низкую орбиту, чтобы осмотреть изменения в Артем Третий и действительно: огромные массы людей покидали город! Они убегали?

Он видел, что они двигались, но не прочь от Артем Прим и Аннигилятора, а, наоборот, к нему. Трамвайные линии были заполнены и гигантские транспортные воздушные маршруты, что

проходили над прекрасными лесными районами Селар Артем, все больше и больше заполнялись всеми видами транспорта. Даже по пешеходной части каждой главной дороги ведущей к Артем Прим тек непрерывный поток паломников...

Паломники, подумал он. Вот кем они были, в конце концов. Они шли к нему. Шли к новому грандиозному идолу Бога Машины, что он воздвиг в Великом Храме, и который бросит тень защиты на всю планету: тень, построенную из каждой души детей этого мира. Это было поэтически красиво. Он с улыбкой отбросил свои ранние сомнения. Его план был в идеальной гармонии с самим духом Бога Машин. Как же иначе это могло быть?

+++

Они приходили выразить почтение десятками тысяч, пока улицы Артем Прим не стали задыхаться от паломников, расположившихся на каждом углу и заблокировавшими широкие проспекты своим количеством. И они все пребывали.

— Планетоубийца приближается, молодой Гуул, — в унисон прохрипел дрон Девятерых прямо над ухом. — Как мы выживем?

Это был подложный вопрос. Гуул теперь был постоянно подсоединен к информационному алтарю, и его знания были непосредственно доступны для Девятерых также, как и для него. Но, несмотря на покровительственный тон, Девятеро подчинялись Гуулу, творцу их спасения.

— Семьдесят четыре целых и три десятых процента, мои повелители, — наконец ответил он. — По моим расчетам нам нужно как минимум семьдесят пять целых и одна десятая процента выходной мощности, чтобы обеспечить защиту против Планетоубийцы, исходя из наименее смелых оценок.

— Нехватки в рабочих не имеется?

Безусловно, так мог сказать только тот, кто не ведал того, что творилось за стенами Артем Прим, ехидно подумал он. Но на самом деле они уже потратили более шестидесяти процентов рабочего населения. Артем Третий, Периферия и Зона Гейгера уже были опустошены, все их население ушло на корм машине. Даже сейчас, его покорные техножрецы разбирали каждого доступного им сервитора, отправляя их на истребление в запечатанных стазис контейнерах.

Гуул не представлял, какую цель инопланетные создатели возложили на Аннигилятор, но в его ненасытное чрево более тысяч отчаянных добровольцев отправлялось каждый час. Каждая новая смерть, каждое высвобождение жизненной силы, и мощность генератора продвигалась выше к заветной отметке в сто процентов...

— Нет, — в итоге согласился Гуул. — Вы правы. Нехватки в доступной плоти не имеется.

Он понял, что надо сделать, чтобы защитить свой мир.

+++

Они кричали, когда их связывали. Никто кроме них больше не кричал. Сотни тысяч рабочих проходили через врата Аннигилятора словно бездумный скот.

Дергающиеся части тел рассоединенных сервиторов закидывали или пронесли сквозь врата без единого стога. Но когда Удо и Мориц отправили отряд извлечь Лордов Фабрикаторов из их мест в Доме Девятерых, древние маги протестующе вопили и кричали.

Без всяких объяснений их доставили на улицы, на яркий солнечный свет Селар Артем, они завывали от прикосновения естественного света, из неровных отверстий на их коже закапала молочная, розовая жидкость на гранитное покрытие.

И, когда рабочие с пустыми глазами потащили их дряблые, покрытые маслом тела через проем Общественной Галереи, они кричали от ужаса, пока, наконец, не постигли прекрасный миг отделения души от тела, и их голоса не умолкли.

Внезапная тишина казалось, прокатилась по переполненной площади внутреннего двора Храма, ниже по улице и по просторным лесам. Мориц, притаившаяся возле него, в каком состоянии она пребывала уже на протяжении недель, первая прервала тишину, но ее голос был просто шепотом: слишком тихим для аудио-рецепторов Гуула.

— Что? — Гуул обернулся посмотреть на нее. Но ее взгляд был устремлен на вздымающиеся двери Храма. Ее рельефные мышцы стали вялыми и руки бессильно повисли, словно она уже померла, но еще не упала. Ее губы зашевелились снова, и Гуул увеличил громкость своего аудио-рецептора, когда услышал, как тот же шепот раздается в толпе на площади: словно легкий шорох волн у берега, когда черные тучи сгущаются на горизонте.

— Фобос.

Слово слетало с губ каждого на огромной площади. Вылетало из ртов его помощников, и доносилось из голосовых передатчиков его телохранителей сервиторов. Выдыхалось из систем громкоговорителей. И в глубоких тайниках самых древних Хранилищ, рокотало и искрилось из темноты подземелья информации, инопланетного сердца.

Гуул дико оглянулся по сторонам, отчаянно пытаясь обнаружить источник столь неожиданной и загадочной перемены в его людях. Но, даже подумав об укрытии, он обнаружил, что прижат под тяжестью оптических кабелей, прикрепленных к его черепу, которые сопровождающий его сервитор уронил в тот момент, когда слово "Фобос" слетало с их слабых и обескровленных губ. И затем толпа начала двигаться. Как один, они устремились к Аннигилятору. Сейчас, все уважение перед полномочиями Гуула исчезло. Его толкали и пихали. Кабель пнули, и он зацепился за чью-то ногу, затем кто-то споткнулся и, с этими бурными движениями, Гуул

дергался будто марионетка, подталкиваемая толпой к зияющему пространству Общественной Галереи.

— Нет! — закричал он, и вдруг подумал об отчаянных, напуганных Лордах Фабрикаторах, которых он обрек на ту же судьбу минутами ранее.

Но когда под натиском толпы он оказался в нескольких футах от Аннигилятора, кабель, торчащий у него из черепа, достиг конца своей длины и дернул Гуула, остановив тем самым его продвижение. словно поток обтекающий скалу, ряды людей обходили его и устремлялись в пасть колышущегося портала.

Мориц пронеслась мимо, даже не бросив на него взгляд, и он застонал после того как она шагнула в бесконечность. Все завершилось за долю секунды, но в этот миг он увидел сначала, как ее одежда распадается, затем аугметика, ее плоть — содранная до влажных мускулов — мягкие ткани, кости и органы... все разложилось на составляющие атомы за считанные секунды. Но к тому времени, еще десятки попали в поле, тела отправлялись в небытие, когда их жизненная сила утекала, дабы утолить голод генератора поля.

Бездеятельность толпы была сокрушающей. Тех, кто медленно двигался, затаптывали под спешными шагами и гусеницами тех, кто двигался быстрее. Безногие катафракты отрывали себя от машин и ползли на сломанных пальцах по направлению к галерее. Другие нападали на стоящих рядом, сбивая их на землю или разрубая на куски при помощи механических приспособлений.

Не веря своим глазам, Гуул наблюдал за теми, кто был вдалеке, неспособные достичь портала, они отрезали куски своей плоти или выбрасывались прямо из окон или с мостов, пересекавших город, чтобы поторопить свое неминуемое уничтожение. И у себя в голове Гуул почувствовал, что выходная мощность генератора поля непреклонно ползет вверх — такая же неизбежность, как и уничтожение его людей.

Когда она пересекла отметку в девяносто процентов, он каким-то образом нашел в себе силы отодвинуть себя и свой кабель подачи данных от нескончаемого потока тел. Удо ковылял позади него, подхватывая своего мастера за одежду, когда тот падал.

— Фобос! — кричал молодой аколит в ничего не понимающие глаза Гуула, его лицо было бледным от ужаса. — Фобос.

И в следующее мгновение, Удо был унесен движением толпы, бросившись вместе с ними вовнутрь зеленого света Аннигилятора.

Уже отчаявшись, Гуул поднялся до кабеля подачи данных и выдернул соединение из своего черепа. Боль от неуправляемого отключения вызвала шок подобный затупленным иглам, вонзающимся ему в мозг, воздух уходил у него из легких.

Но положение питающего устройство было неудачным: слишком далеко позади его черепа, чтобы можно было крепко ухватиться двумя руками. Подача данных все еще работала. Небрежно, исступленные щупальца его сущности погрузились в волну информации, чтобы понять смысл слова, звеневшего у Гуула в голове.

Фобос... [фобас]... Фобос... Первый спутник Марса... Конечно же, это он. Он видел его четыреста лет назад через иллюминатор шаттла, покидающего поверхность священной Красной Планеты... Крохотное, вращающееся тело, даже недостаточно большое, чтобы претендовать на небесное тело; испещренный кратерами, словно шрамами от оспы.

Фобос... [фобас]... Фобос... В центре был Фобос, страх несказанный. В душу смотрящий глазами, из коих светилосся пламя. Полнилась пасть его от зубов, белевших рядами, неумолимых и грозных. Вверху над ужасной главою Эрис, Грозная Распря, витала, к сраженью мужей побуждая...

Фобос. Страх. Люди прошлого так окрестили луну Марса в честь своего примитивного бога страха еще до того, как они по-настоящему поняли, чем был страх. На пике агонии эго Гуула испарилось перед силой неугасаемого ужаса. Не простой человеческий страх лежал в тех древних хранилищах, а древний, инопланетный Зверь Страх. И сейчас Страх блуждал по Селар Артем; не сам Зверь, но эхо его истинного прикосновения, отдававшееся во времени и пространстве и воздействуя на умы людей Гуула: потомков первых поселенцев, которые заковали его во тьме и похитили его секреты.

Высвобожденный зовом их космического страха перед Планетоубийцей, Зверь обратился к Гуулу, чтобы сделать его своим невольным воплощением. С каким ликованием он распространил эту заразу по всему его миру при помощи защитного поля, подпитываясь от Аннигилятора. Он вел свое стадо на убой...

Пересекнув звезды, Зверь пришел к нему издалека. Из-за Врат Варла...

Целостность защитного поля 100%

С ужасной силой мгновенного и окончательного безумия, Гуул выдернул кабель у себя из черепа. Вопль боли и ликования вырвался у него из глотки, когда он пал на колени, кабель подачи данных корчился и искрил, зажатый у него в кулаке. По мере того как кабель постепенно умирал, тишина пустоты разносилась по огромной площади Общественной Галереи и гигантское, светящееся, зеленое око Аннигилятора уставилось на Гуула в безмолвном удовлетворении.

+++

Селар Артем мертв.

Природа с радостью брала свое, леса прорастали и моря бушевали, медленно захватывая

бесшумные дороги необитаемых городов.

В небе спутники излучали невероятные энергии, наполненные шепотом мертвых, передавая их от одного спутника к другому и далее по нескончаемой сети непроницаемой защиты. Внизу продолжали работать машины. Но бульвары пусты. Звуки капающей воды и редких, нерешительных перебежек дерзких грызунов эхом разносятся в храмах. Флотилии кораблей стоят заброшенные на огромных посадочных полосах, места их экипажей пусты и пассажирские сидения свободны. Дымовой след единственного отбывшего шаттла уносился тропическим циклоном...

+++

Скрипучий голос, искаженный белым шумом, протрещал из медной решетки консоли астровокса. Курсант Леон МакКаби склонился над ней, пытаясь разобрать слова сквозь треск эфирных помех.

— ... но мы слышали, что Планетоубийца направляется к Селар Артем, вы можете подтвердить?

— К чему ты прислушиваешься, курсант? — раздался голос вахтенного офицера в нескольких дюймах от его уха, заставив МакКаби невольно вскрикнуть.

— Остаточное астропатическое эхо, сэр! — быстро выпалил он. — Они исходят с Селар Артем, за пределами Врат Бельтане. Я пытаюсь связать их вместе. Отметка времени — тридцать дней назад.

— Идиоты, — зарычал лейтенант, отворачиваясь.

— Планетоубийца не вылезал из Ока десятилетиями. Механикус исчезли словно призраки, как и всегда. Пусть это будет тебе уроком, курсант. Прослушивание ложных слухов и болтовни небезосновательно карается телесным наказанием!

— Да, сэр!

<http://tl.rulate.ru/book/30591/665263>